

Управление образования Приморского района Санкт-Петербурга
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
Лицей № 554 Приморского района Санкт-Петербурга

**Конкурс научно-исследовательских, проектных и творческих работ
«Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!..» (Ф.И.Тютчев),
посвященный жизни и творчеству А.С.Пушкина**

Исследовательская работа

**Направление работы:
Творчество А.С.Пушкина в контексте мировой культуры**

Эпиграфы в романе в стихах « Евгений Онегин» А.С.Пушкина

9 класс
Чайка Дарья.
Руководитель работы:
Васильева Нина Витальевна,
учитель русского языка
и литературы

**Санкт-Петербург
2015 год**

«Для русской литературы пушкинский роман в стихах
«Евгений Онегин» – примерно то же,
что Псалтирь для богослужения».
В.С.Непомнящий

Введение. Основным произведением этого учебного года стал для меня роман в стихах А. С. Пушкина. Он вызвал восторг и преклонение перед автором, удивление и желание понять каждую, строфу, строчку, слово... Так объять необъятное! Так понимать жизнь! Так любить Россию! Так знать мировую литературу!

Пушкин говорил, что рассматривал свое творение через «магический кристалл». И действительно, роман, сверкая разными гранями, завораживает читателей и заставляет преломить на себя, сегодняшнюю, всю палитру ощущений и представлений, чувств и эмоций.

Самое первое, что меня привлекло мое внимание, - это разнообразие эпитафий к роману и та тщательность, с которой они подбирались. Я убедилась в этом еще раньше, когда читала роман «Капитанская дочка». Сейчас же меня поразило то, что эпитафии к роману были взяты не только из русской литературы, но и приведены на французском, латинском, итальянском, английском языках. Отменная эрудиция автора! А с другой стороны, мне кажется, в таком соотношении с мировой литературой выражена монументальность и эпический характер романа в стихах «Евгений Онегин».

Предметом моего исследования являются эпитафии в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

ЭПИГРАФ - (от *греч.* - надпись) – короткий текст, представляющий собой изречение, точную или измененную цитату, предпосланную автором сочинению или его части. В афористически-краткой форме строки эпитафа еще до знакомства читателя с текстом сообщают о главной теме и идее произведения, могут давать представление об ожидаемых сюжетных ходах, а также предварительно характеризовать действующих лиц. Иначе говоря, в эпитафе всегда содержится основная мысль, затем развиваемая в тексте. Впервые

эпиграфы появились в литературе эпохи позднего Возрождения, но в русской литературе их можно увидеть только в XIX веке у писателей-романтиков. Эпиграф часто встречается у А.С. Пушкина в его лирических и прозаических произведениях. Известно, что источниками эпиграфов могут стать произведения художественной, публицистической, сакральной литературы, устного народного творчества, официальные документы, мемуары, опубликованные письма, автоцитаты. (Словарь литературоведческих терминов).

Хотя об эпиграфах к роману в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина написано много, все же их роль и соотношение с текстом не ясны полностью. Особенно серьезными исследованиями, на авторитетное мнение которых я буду опираться, являются следующие: «Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий» Ю.М. Лотмана (1-е изд., 1980) и «Комментарий к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”» В.В. Набокова (1-е изд., на английском языке, 1964), «Штудии» А.М. Ранчин, «А.С. Пушкин: "Евгений Онегин". Новый взгляд на поэму». Непомнящий В.С.

Цель исследования: понять смысловую нагрузку эпиграфов, которые предпосланы каждой главе и всему произведению в целом, объяснить их значение и определить причины выбора источников цитирования.

Задачи:

1. Проанализировать известные исследования роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин».
2. Определить смысловую нагрузку эпиграфов и их соотнесенность с источниками и текстом романа.
3. Показать роль эпиграфов в постижении глубинного смысла романа.

Главный эпиграф, то есть эпиграф ко всему роману в стихах «Евгений Онегин», взят Пушкиным из частного письма. Это кажется несколько странным, ведь эпиграфы к отдельным главам свидетельствуют о широкой образованности поэта, прекрасно знавшего не только русскую, но и мировую литературу от древности до наших дней. Нам представлены высказывания античного поэта Горация и поэта XVI века Петрарки, французских сентименталистов XVII в.

Мальфитра и Неккера и «владельца дум» XIX в., английского поэта Байрона. Через эпиграфы Пушкиным прослежен весь путь развития мировой литературы. Русская же литература, которая стала самостоятельным видом искусства лишь в конце XVIII века представлена лучшими именами: В.А.Жуковский, П. Я. Вяземский, И.И. Дмитриев, Е. А. Баратынский, А.С.Грибоедов. Это говорит не только о высочайшем вкусе Пушкина, но и той тщательности, фундаментальности, с которой он подходил к созданию главного произведения своей жизни.

Почему же эпиграф для всего романа он берет не из авторитетного источника, а из частной переписки? Почему он приведен на французском языке, а перевод предлагается в сноске? Мне думается, что Пушкин хотел создать произведение совсем нового типа: реалистический роман в стихах. Такого еще в литературе не было, и поэт серьезно обдумывал и жанр, и композицию, и способ изложения («онегинскую строфу»), о чем свидетельствуют его письма друзьям. Тема для романа тоже была нова: в нем должен был «отразиться век» и современный человек «с его изменчивой душой, себялюбивой и пустой». В практике мировой литературы такого еще не было. Герой, изображенный в романе, был новым явлением для России, но уже хорошо известен на Западе. И русское общество не могло его не обсуждать, потому что он бросал ему вызов. Правда, происходило это пока лишь в частной переписке. Итак, ссылаясь на частную переписку, Пушкин подчеркивает, что его герой – лицо не вымышленное, а реальное. Об этом он заявляет в тексте романа: «Онегин, добрый мой приятель» или «Мне нравились его черты...»

С этой целью поэт зашифровал литературный источник эпиграфа: это французский перевод сочинения английского социального мыслителя Э.Бёрка «Мысли и подробности о скудости» (*Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 19, 86–88). А французский язык письма объясняется весьма просто: это язык высшего света, к которому принадлежит Евгений Онегин.

Итак, обратимся к эпиграфу: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, - следствие чувства превосходства, быть может, мнимого». Эпиграф отражает проникновение в русскую среду явления, уже широко распространившегося среди западной аристократии и называемого «дендизм». Сравнение Онегина с денди: «как денди лондонский одет» в начале романа только внешнее, но потом мы видим, что дендизм проник и в его мировоззрение, и в поведение, определил его образ жизни. Это выразилось в противопоставлении аристократии, в желании отличиться, в открытом эпатаже традиций и этических норм. Поступки, разрушающие нравственные нормы своим равнодушием к добру и злу, зачастую не были добродетельными и высоко моральными, а были продиктованы лишь желанием дать пищу для собственной гордости, которая отличает сверхчеловека «наполеона», показать свое превосходство над другими, миллионами «двуногих тварей», тщеславием. Но это истинное превосходство или мнимое? В.С.Непомнящий отмечает, что современный читатель из-за несовершенного перевода не чувствует столкновения двух разных взглядов на одно и то же явление. «Автор “частного письма” считает превосходство героя “быть может, мнимым”, — сам-то герой в своем превосходстве убежден, отсюда и его “особенная гордость”». Уже с помощью эпиграфа автор подготавливает нас к тому, что однозначной оценки героя не будет.

Чтобы разобраться во всех загадках, надо прочитать роман, проследив за мыслью автора, развитие которой представлено в эпиграфах к главам романа.

«Евгений Онегин» - роман о становлении личности, о взрослении, о возмужании, об осмыслении жизни, о переоценке ценностей, о жажде познания. И об этом мы сразу узнаем из эпиграфа к первой главе: «И жить торопится, и чувствовать спешит», перенесенной автором из стихотворения П.Я.Вяземского «Первый снег». Однако смысл лирического стихотворения не совпадает с содержанием 1 главы.

Кто может выразить счастливец упоенье?
Как вьюга лёгкая, их окрилённый бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылью окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит.

В стихотворении лирический герой влюблен, счастлив, упоен своим чувством – его горячность молодая скользит по жизни. У Пушкина все по-другому: вместо упоения – разочарование, вместо влюбленности – хандра, тоска, раскаяние. Все перевернуто: даже цель поездки – Онегин едет к умирающему дяде, и ему совсем не весело представлять обязанность «полуживого забавлять».

И в то же время эпитафия как нельзя лучше отражает замысел Пушкина: без промедленья познакомить читателя с героем своего романа. Рассказав в одной строфе о детстве Онегина, Пушкин сосредоточил свое внимание на самом прекрасном и в то же время сложном периоде в жизни человека – юности:

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет –
И наконец увидел свет.

Он влился в светское общество уже вполне подготовленным: в меру образованным, знающим светский этикет, умеющим лицемерить, плести интриги, ревновать, добиваться любви. Свет нашел, «что он умен и очень мил». Представив один день Евгения Онегина, полный развлечений и удовольствий, автор без труда показал нам, почему «русская хандра им овладела понемногу» и охладила жизненный пыл. Ведь достойного для себя занятия, которое бы явилось лекарством от душевной болезни, Онегин найти не смог, и «жизнь стала томить», а «сердца жар угас», и он пришел к мрачному итогу: к отчуждению, презрению, угрюмости, равнодушию и злобе на «слепую Фортуну»:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей,
Кто чувствовал, того тревожит

Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаяние грызет.

В эпиграфе к 1 главе у Пушкина скрыта ирония. Торопился жить и чувствовать – и что получил? Раскаяние, тоску, разочарование. И хотя в 1 главе романа изображено цветущее лето, а не зима, как в стихотворении Вяземского, Онегин не радуется перемене места жительства, не вдохновляют его ни природа, ни деревенская тишина:

Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень ил верная жена.

Эпиграфом к 2 главе является восклицание из сатиры римского поэта Горация: «O rus!» (О деревня! лат.) и в русском переводе звучит так:

О, когда ж я увижу поля! И когда же смогу я
То над писаньями древних, то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться блаженным забвением жизни тревожной!

Звуковое соответствие «О Русь!» представляет, по мнению Ю.М. Лотмана, не просто каламбур, а «двойной эпиграф создаёт каламбурное противоречие между традицией условно-литературного образа деревни и представлением о реальной русской деревне». (*Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 388*). Мне кажется, что Пушкин объединяет в эпиграфе Русь и деревню, потому что считает деревню – душой России. Именно деревню делает он центром русской национальной жизни: близость к природе, сохранение традиций, нравственные основы бытия: «Деревня, где скучал Евгений, была прелестный уголок...».

Но как далек наш герой от природы! Как неприятны ему разговоры о «сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне»! Как неприятно ему общество провинциальных соседей! Он чужой и здесь! Деревня дарит Онегину новые знакомства: с «полурусским соседом», юным поэтом Ленским и семейством Лариных.

Эпиграф к 3 главе указывает на появление романа героини. Он лаконичен, незатейлив, естественно прост, в переводе он звучит так: «Она была девушка, она была влюблена». Проще только у Пушкина: «Пора пришла – она влюбилась». С Татьяной Лариной в роман входит любовь – глубокое, искреннее, настоящее чувство. Эпиграф тоже приведен по-французски (ведь героиня «по-русски плохо знала, романов русских не читала»). Это цитата французского поэта Ш.Л.К. Мальфилатра: «Elle était fille, elle était amoureuse» (из поэмы «Нарцисс, или Остров Венеры», опубликованной в 1768 году). Не только Пушкин, но, я полагаю, и Татьяна читала эту поэму. А знакомство с её фабулой привносит для нас, читателей, новые смыслы в эпиграф: речь пойдет о безответной любви.

Исследователь В.В. Набоков привел более пространную, чем Пушкин, цитату, из поэмы: “«Она [нимфа Эхо] была девушка [и, следовательно, — любопытна, как это свойственно им всем]; [более того], она была влюблена... Я её прощаю [как это должно быть прощено моей Татьяне]; любовь её сделала виновной <...>. О, если бы судьба её извинила также!» Согласно греческой мифологии, нимфа Эхо, зачахнувшая от любви к Нарциссу, который, в свою очередь, изнемог от безответной страсти к собственному отражению, превратилась в лесной голос, подобно Татьяне в гл. 7, XXVIII, когда образ Онегина проступает перед ней на полях читанной им книги (гл. 7, XXII–XXIV)”. (Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 282). Природное чувство влюбленности Татьяны переплетается с ее мечтательным восприятием мира, почерпнутым из французских любовных романов, полных «обольстительных обманов». Это любовь с первого взгляда: «Вот он (!)», да и встреч-то у них было только 3, а любовь – единственная на всю жизнь.

Онегин в романе тоже не похож на влюбленного в себя Нарцисса, потому что причина его отказа Татьяне состоит в том, что он просто не хочет жениться, считая, что ему рано, что «он не создан для блаженства» и он не достоин ее любви. Конечно, читатель ощущает нотки эгоизма, превосходства и даже упоения собой в его поведении, но полного совпадения образов нет.

Эпиграфом к четвёртой главе является изречение: «Нравственность в природе вещей» французского политика и финансиста Ж.Неккера, отца Ж. де Сталь, который в начале французской революции XVIII в. был министром Людовика XVI. Ю.М.Лотман даёт следующие пояснения: « Эпиграф взят Пушкиным из книги Ж. Сталь «Размышление о французской революции» (1818), где эти слова включены в следующий контекст: «Вы слишком умны, сказал однажды Неккер Мирабо, чтобы рано или поздно не заметить, что нравственность существует в природе вещей». (см.: Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, 1827—1832. Л., 1927. С. 254—255)». Исследователь утверждает, что в сравнении с текстом романа эпиграф имеет иронический оттенок, так как в русском языке слова «нравственность» и «мораль» звучат одинаково. Любовное свидание, вопреки законам жанра сентиментального романа, превращается в лекцию на морально-этическую тему. Прочитав эпиграф, мы ждем моральную проповедь и получаем ее вместе с героиней: «Учитесь властвовать собой». И хотя Онегин поступил с Татьяной благородно, высоконравственно, не воспользовавшись ее неопытностью, что оценили и автор, и сама героиня, мы от всей души сочувствуем ей, понимая, как ей горько и обидно, о чем она тоже вспомнит: «Смиренно урок ваш выслушала я».

Эпиграф к пятой главе нам хорошо известен: это строки из баллады В.А. Жуковского «Светлана»: «О, не знай сих страшных снов ты, моя Светлана». И. И. Мурзак, А. Л. Ястребов удивительно точно назвали его эпиграфом-предостережением. Думается, что именно с этой целью поэт включает сон героини в реалистическое произведение, раздвигая его до мистической аллегории. С другой стороны, Пушкин указывает на прямое сравнение снов: в отличие от сна Светланы, в котором мертвым оказывается её жених, сон Татьяны оказывается пророческим, а любимый – не безобидной жертвой, а жестоким убийцей:

За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах...
Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг

Но сопоставляются и сами героини, что очень убедительно объясняет Ю.М. Лотман: «...Заданное эпиграфом «двойничество» Светланы Жуковского и Татьяны Лариной раскрывало не только параллелизм их народности, но и глубокое отличие в трактовке образа одного, ориентированного на романтическую фантастику и игру, другого — на бытовую и психологическую реальность». (Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 478). В третьей главе Онегин уже указал нам на схожесть Татьяны и Светланы: «Да та, которая грустна и молчалива, как Светлана...». А параллели с балладой Жуковского мы находим также в 7 и 8 главах: «идет на мертвеца похожий», пребывает в странном сне (об Онегине), «окружена крещенским холодом» (о Татьяне). «Двойничество» Светланы и Татьяны еще больше подчеркивает поэтичность и романтичность образа пушкинской героини, глубину ее души, ведь Татьяна умна сердцем. Не умея многого объяснить, она ощущает демонизм Онегина и предчувствует трагическую развязку.

Эпиграф к шестой главе, взятый из канцоны Ф.Петрарки, в русском переводе звучащий: «Там, где дни облачны и кратки, // Родится племя, которому умирать не больно» - был измен Пушкиным. В полном варианте у Петрарки он выглядит так: «Там, где дни туманны и кратки — **прирождённый враг мира — родится народ**, которому не больно умирать». Он глубоко проанализирован Ю.М. Лотманом: «П<ушкин>, цитируя, опустил средний стих, отчего смысл цитаты изменился: У Петрарки: «Там, где дни туманны и кратки — **прирождённый враг мира — родится народ**, которому не больно умирать». Причина отсутствия страха смерти — во врождённой свирепости этого племени. С пропуском среднего стиха возникла возможность истолковать причину небоязни смерти иначе, как следствие разочарованности и «преждевременной старости души». (Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 510). Однако Ленский идет на дуэль, чтобы убить, отомстить, а не умереть: возможно, доля свирепости в этой решимости все-таки есть... Изъятие целой строки дало возможность Пушкину для игры со смыслами: он

возвращает нас к главному эпиграфу, в котором говорится о равнодушии к добрым и дурным поступкам, о хандре, о том, что Онегин «к жизни вовсе охладел». Мотивы разочарования, преждевременной старости души традиционны для жанра элегии, а Ленский отдал этому жанру щедрую дань. В романтических грезах юного поэта любовь и смерть странным образом рифмуются: «Он пел поблёклый жизни цвет, // Без малого в осьмнадцать лет». В молодости рассуждения о смерти отвлеченные (она далека, это будет не со мной – поэтому не страшно). Такое романтическое незнание жизни, непонимание ее ценности у Пушкина выражено предельно лаконично: «Он сердцем милый был невежда». Непомнящий В.С. отмечает, что, включая в себя тему Ленского, эпиграф, безусловно, «на глубинном своем уровне имеет в виду Онегина: «С пропуском среднего стиха (о воинственности северного племени, “естественного врага мира”»». (Непомнящий В.С. «А.С.Пушкин: "Евгений Онегин". Новый взгляд на поэму») полагает, что слово «не больно» при переводе искажает смысл фразы, и уместнее будет перевести его, как «не жаль», ведь тогда эпиграф приобретает более широкое звучание: не только как тема “дуэльной” главы. При таком переводе тема эпиграфа будет находиться на стрелке проблемы романа. Литературовед Андрей Михайлович Ранчин обобщает: «Так петрарковский текст, элегический код и реалии созданного Пушкиным художественного мира благодаря взаимному наложению создают мерцание смыслов». (Ранчин А.М. В поисках скрытого смысла: о поэтике эпиграфов в «Евгении Онегине». Штудии. с. 5.

Эпиграф к 7 главе тройной.

1. Москва, России дочь любима,

Где равную тебе сыскать?

Дмитриев.

2. Как не любить родной Москвы?

Баратынский.

3. Гоненье на Москву! что значит видеть свет!

Где ж лучше?

Где нас нет.

Грибоедов.

Смысл тройного эпиграфа в противоречивости его составных частей Лотман объясняет так: одический стиль панегирика, легкая ирония и резкая сатира; изображение историко-символической роли Москвы для России, бытовая зарисовка Москвы как центра частной, внеслужебной русской культуры XIX в. и очерк московской жизни как средоточия всех отрицательных сторон русской действительности. Мне кажется, что содержание 7 главы вместить в 1 эпиграф невозможно. Пушкин вложил в нее очень много: здесь и эпическая мощь Москвы – сердца России – победительницы (1-й эпиграф), и лирические страницы объяснения в любви к Москве как к малой родине (2-й эпиграф) и ироническое звучание, которое связано с героиней и целью ее путешествия в Москву на ярмарку невест.

Первый эпиграф взят из блистательного хвалебного стихотворения Дмитриев И. И. «Освобождение Москвы» // Дмитриев. С. 83):

В каком ты блеске ныне зрима,
Княжений знаменитых мать!
Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Венец твой перлами украшен;
Алмазный скипетр в твоих руках;
Верхи твоих огромных башен
Сияют в злате, как в лучах;
От Норда, Юга и Востока —
Отсюду быстротой потока
К тебе сокровища текут;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А девы — розами цветут!

Как полнозвучно и торжественно перекликаются с ним пушкинские строки:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

С какой гордостью пишет он о неколенопреклоненной Москве!

Лирической канвой второго эпитафия являются стихи Баратынского Е. А.
«Пиры» // Баратынский. Т. 2. С. 25

Как не любить родной Москвы?
Но в ней не град первопрестольный,
Не позлащенные главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни, вестницы молвы,
Мой ум пленили своевольной:
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосольство
И дарованья поваров.

С ними перекликаются пушкинские строки о любимом городе:

Как часто в горестной разлуке
В моей блуждающей судьбе.
Москва, я думал о тебе!

Гениальное пушкинское описание белокаменной Москвы, в которую въезжает Татьяна, мне кажется, очень перекликается с описанием приезда домой (в Москву) Николая Ростова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (т.2, гл.1).

Третий эпитафия взят из комедии Грибоедова А.С. «Горе от ума» (д. I, явл. 7).

Чацкий: Помилуйте, не вам, чему же удивляться?

Что нового покажет мне Москва?

Вчера был бал, а завтра будут два.

Тот сватался — успел, а тот дал промах.

Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София: Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!

Где ж лучше?

Чацкий: Где нас нет.

Искрометная ирония так и брызжет из-под пера Пушкина, описывающего барскую Москву: он здесь знает все, всех видит насквозь и понимает Татьяну, которая «Волнение света ненавидит; ей душно здесь... она мечтой стремится к жизни полевой». В конце главы он поздравляет свою героиню с победой: она покорила Москву!

Эпиграфом к 8 главе Пушкин взял строки «властителя дум» своего поколения – Байрона: «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай». Это начало стихотворения Байрона «Fare thee well» из цикла «Poems of separations» «Стихи о разводе», 1816. Строки эти полны неподдельной грусти: расставание героев. Но значит, будет и встреча. В последней главе зеркально отразится первая часть романа, только теперь любовь подстерегла героя. Он страдает, пишет письмо, а потом следует объяснение с уроком, который преподает ему Татьяна. И если тогда она его не совсем поняла, то теперь он не понимает, почему она поступает вопреки своему чувству: «Я вас люблю (к чему лукавить?), но я другому отдана; я буду век ему верна».

Онегин «стоит, как громом, поражен», потому что ему открылось другое измерение: долг, верность, доброта, высокая духовность, человечность. Как это открытие повлияет на Онегина? Что станет с ним? Какие грядут перемены? И в эту «минуту злую для него» автор прощается со своим героем. Пушкин ставит точку, хотя мы так жаждем продолжения, потому что путь изменений Евгения Онегина – это сюжет другого романа.

В восьмой главе тройное прощание: Татьяны с Онегиным, автора с героями и романом, автора с читателем. Прощание автора с героями и романом трепетное, он называет Онегина «странным спутником» Татьяну – своим «верным идеалом», а роман – «живым и постоянным, хоть малым трудом». Пушкин благодарит их за то, что они стали его верными друзьями и помогали ему жить. Прощание с читателем звучит тоже задушевно:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости.

Но последнюю дань поэт все-таки отдает своим друзьям, которым «строфы первые читал», кто послужил прообразом для его героев, «кто праздник жизни рано оставил, не допив до дна бокала полного вина, кто не дочел ее романа». В этом весь Пушкин, его «лелеющая душу гуманность», его непревзойденный гений!

Выводы. Работа с эпитафиями романа в стихах «Евгений Онегин» открыла для меня глубочайший смысл этого бессмертного произведения, в котором мастерски нарисована русская картина мира. В качестве эпитафии к своей работе я взяла слова В.С.Непомнящего: «Для русской литературы пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин» – примерно то же, что Псалтирь для богослужения». Я считаю их справедливыми, потому что все истоки русской литературы заложены в романе в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин», произведении на все времена. Я согласна с В.С. Непомнящим, назвавшем «Евгения Онегина» «первым русским «проблемным романом», потому что «на его протяжении Пушкин ставит и решает для себя — и для нас — *проблему человека*».

А это решение позволяет осуществить яркие и емкие, но неоднозначные эпитафии, формирующие дискуссионно-диалогический потенциал романа, призывающие творческое воображение пытливого читателя постигать, как точно найденная автором чужая цитата наполнится жизнью, обретет новую плоть и кровь и получит новое развитие и звучание.

Литература

- А.С.Пушкин. Сочинение в трех томах, т. 1, М, «Художественная литература», 1985.
- Русская поэзия XVIII-XIX веков. Хрестоматия. «Искусство-СПб». СПб, 2006.
- А.С.Грибоедов. «Горе от ума». «Знание», СПб, 2008, с.49.
- Д.Г.Байрон. Собрание сочинений в четырех томах. Т.2,М, Издательство «Правда», 1981, с.95.
- Ю.М. Лотман. «Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий» (1-е изд., 1980).
- В.В. Набоков.«Комментарий к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”»(1-е изд., на английском языке, 1964).
- А.М.Ранчин. « В поисках скрытого смысла: о поэтике эпитафий в «Евгении Онегине».«Штудии».
- В.С. Непомнящий. «А.С.Пушкин: "Евгений Онегин". Новый взгляд на поэму», 2009 Страна: Россия.
- Валентин Непомнящий. «Евгений Онегин» А.С.Пушкина - «проблемный роман» //Литература в школе. – 2001.
- И.И. Мурзак, А. Л. Ястребов Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» www.gramota.ru/biblio/research/dinam0/dinam8.